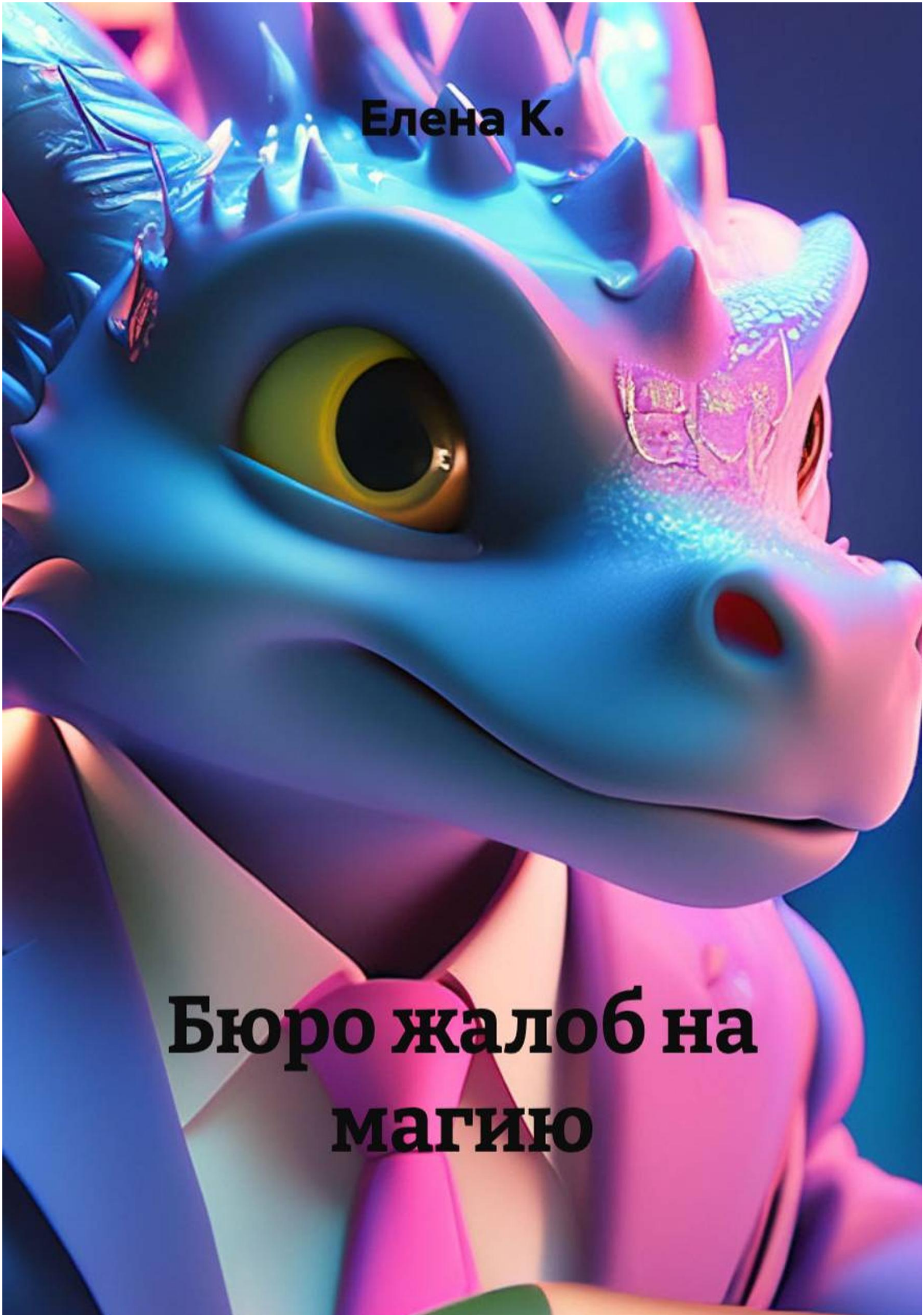

Елена К.

Бюро жалоб на магию

Елена К.

Бюро жалоб на магию

«Автор»
2026

К. Е.

Бюро жалоб на магию / Е. К. — «Автор», 2026

«Бюро жалоб на магию: когда хаос приходит с формой, а судьба берёт выходной» — сказочно, ироничная история о месте, где даже туча может пожаловаться на несправедливость.В городе, где магия живёт бок о бок с бюрократией, Арнольд и его команда (включая невероятно мудрого кота) помогают чудесам обрести баланс: не подавляя волшебство, а давая ему понятные правила, чашку чая и право просто быть. Здесь нет пафосных подвигов — зато есть формы на всё: от выгорания пернатых курьеров до компенсации для обиженных совпадений.С юмором и сарказмом книга показывает: даже в мире чудес самое сильное «заклинание» — это внимание, терпение и умение сказать: «Я тебя слышу». А иногда лучший способ спасти мир — просто не искать знаков в том, как упала ложка. Для читателей 12+, кто ценит добрую иронию, абсурд с душой и магию, которая не пугает, а согревает.

© К. Е., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава о возрастно цензе))) 5
Глава 1. «Как открыть Бюро жалоб на магию и не сгореть на рабочем месте» 6
Глава 2. «Когда магия требует инструкцию, а бюрократия — чуда» 9
Глава 3. «Когда даже духи порядка берут больничный, а магия требует техподдержки» 12
Глава 4. «Когда магия просит техподдержку, а бюрократия отвечает: Заполните форму 99» 16
Конец ознакомительного фрагмента. 18

Бюро жалоб на магию

Глава о возрастно цензе)))

Как в Бюро решили вопрос с возрастным цензом и почему он не работает как обычно)

В один прекрасный или, скорее, очень хлопотный) день Аристарх торжественно положил на стол форму 130В: «Возрастной ценз и прочие попытки навести порядок там, где порядок — это уже стресс».

— Надо же както разграничить, кому можно подавать жалобы, а кому пока рано, — вздохнул он. — Иначе к нам завтра придёт трёхлетний эльф и потребует, чтобы радуга извинилась за то, что слишком яркая.

Арнольд спокойно отпил чаю и уточнил:

— А если радуга действительно вела себя вызывающе?

Кот фыркнул:

— Вот именно. В нашем городе даже радуга может быть токсичной. Так что возрастной ценз тут никого не спасёт.

Тем не менее форму заполнили. И вот что получилось:

До 7 лет: жалобы принимаются только в сопровождении взрослого, дракона или кота. При этом допускается формулировка «мне просто обидно» — её обязаны принять всерьёз.

7–14 лет: можно подавать самостоятельно, но с пометкой «возможно, это про переходный возраст магии».

14+: полный доступ ко всем формам, включая «Жалоба на вселенную» и «Претензия к судьбе».

Для волшебных существ: возраст считается не по годам, а по количеству пережитых катаклизмов. Один настоящий шторм засчитывается как пять лет опыта.

Для предметов (ложек, дверей, календарей): возраст определяется по степени изношенности петель и потёртости букв. Но право на жалобу есть у всех — даже у новенькой булавки, если она чувствует, что её недооценивают.

Глава 1. «Как открыть Бюро жалоб на магию и не сгореть на рабочем месте»

В столице волшебного царства, где даже уличные фонари зажигались не по щелчку пальцев, а по приказу 12ОС («О порядке активации источников света в тёмное время суток»), случилось событие, которое магический совет предпочёл бы не замечать: открылось Бюро жалоб на магию.

Не лавка чудес. Не школа чародейства. Не тайное общество по изучению запретных ритуалов. А именно Бюро. С очередью. С талонами. И с табличкой у входа: «Приём жалоб: с 9:00 до 17:00, обед с 13:00 до 14:00. Проклятия принимаются только в письменной форме».

Горожане отреагировали мгновенно. Кто-то хихикнул. Кто-то возмутился: «Магия — это искусство, а не коммунальная услуга!» А кто-то тут же достал из кармана потрёпанный бланк и начал заполнять дрожащей рукой: «Жалоба на заклинание Уютный вечер: вместо уюта получил навязчивый аромат лаванды, который не выветривается уже третий месяц».

Возглавил Бюро старший инспектор по качеству чудес Арнольд Кряж — человек, который относился к магии примерно так же, как к сырому шпинату: не отрицал её существование, но искренне не понимал, зачем она нужна, если есть здравый смысл и степлер.

У Арнольда была аллергия на искры. Не метафорическая. Не «мне не нравится, когда всё сверкает». А самая настоящая: три чиха — и глаза слезятся так, будто он только что прочитал отчёт о бюджете магического совета. Поэтому, когда в честь открытия Бюро устроили фейерверк, Арнольд не аплодировал. Он стоял в трёх кварталах от площади, в дождевике, с противопылевой маской и папкой, прижатой к груди, как щит.

— Это торжественный запуск! — кричал мэр, размахивая волшебной палочкой, которая, судя по всему, была скорее реквизитом, чем инструментом. — Символ нашего доверия к магии!

— Это пожароопасный аттракцион, — пробормотал Арнольд, чихнул и сделал пометку в блокноте: «Проверить: наличие огнетушителей рядом с местами массовых заклинаний. Особенно если там есть мэр».

Первый рабочий день начался ровно в 9:01 — потому что ровно в 9:00 в дверь постучали. Потом постучали ещё раз. Потом начали стучать кулаками. Потом кто-то попытался открыть её заклинанием, но заклинание сработало неправильно и превратило дверную ручку в лягушку. Лягушка сидела смирно, будто понимала, что сейчас не время для драмы.

Арнольд вздохнул, достал из ящика стола обычную металлическую ручку (не волшебную, не светящуюся, не меняющую цвет в зависимости от настроения), прикрутил её на место и открыл дверь.

На пороге стояла дама в шляпе с вуалью, которая колыхалась даже в безветренную погоду — видимо, из-за встроенного заклинания «Драматизм». В руках она держала бланк жалобы, исписанный каллиграфическим почерком.

— Я хочу подать жалобу на заклинание «Вечная молодость», — строго сказала дама. — Оно работает, но с побочным эффектом.

— Каким? — спросил Арнольд, уже догадываясь, что услышит что-то эпичное.

— Оно стирает память о том, зачем я хотела быть молодой, — призналась дама. — Теперь я смотрю на себя в зеркало и думаю: «А кто это? И почему она так странно улыбается?»

Арнольд кивнул, как будто это была самая обычная жалоба, а не экзистенциальный кризис в шляпке.

— Принято, — спокойно сказал он, взял бланк и поставил штамп: «Зарегистрировано. Ожидайте ответа в течение 30 календарных дней или до следующего полнолуния — что наступит раньше».

Дама на секунду растерялась — видимо, ожидала бури эмоций, проклятий в адрес магов, клятв немедленно всё исправить. Но получила только штамп и вежливое: «Спасибо за обращение. Если появятся новые симптомы — приходите».

— А… это всё? — неуверенно спросила она.

— Пока да, — кивнул Арнольд. — Мы проведём проверку. Возможно, выяснится, что заклинание было куплено на распродаже и срок его действия истёк ещё в прошлом веке.

Дама ушла, слегка покачиваясь, будто мир внезапно стал чуть менее волшебным — и от этого даже немного уютнее.

Следующим пришёл гном с бородой, которая жила своей жизнью. Борода периодически завязывалась в узлы, шептала загадочные фразы и пыталась сбежать.

— Проклятие «Несдержанная борода» вышло из-под контроля! — заявил гном, пытаясь удержать бороду за кончик. — Она вчера подписала договор о продаже моей кузницы! Без моего ведома!

Арнольд достал форму 23Б («Жалоба на неподконтрольные части тела») и спокойно спросил:

— Кто наложил проклятие?

— Да никто! — возмутился гном. — Оно шло в комплекте с набором «Домашний чародей: начни творить магию сегодня»!

— Ага, — протянул Арнольд, делая пометку: «Проверить: маркировку товаров категории магия для дома. Особенно фразы вроде безопасно для всех».

Борода тем временем прошептала: «Ты всё равно не сможешь меня контролировать» — и попыталась заплестись в косичку.

— Спокойно, — тихо сказал Арнольд бороде, как будто она была капризным клиентом. — Вас тоже зарегистрируют.

К полудню очередь растянулась до ближайшей пекарни. Люди жаловались на всё: на зелья, которые меняли вкус, но не помогали; на амулеты, которые работали только по чётным дням; на заклинания, которые срабатывали, но не так, как хотелось.

Один юноша пришёл с жалобой на любовное зелье:

— Оно сработало, — шептал он, краснея. — Но… не на ту.

— На кого? — уточнил Арнольд, стараясь не улыбаться.

— На моего кота, — признался юноша. — Теперь он смотрит на меня так, будто я — его судьба.

Арнольд поставил галочку в графе «Непредвиденные последствия» и выдал стандартный совет:

— Попробуйте не смотреть ему в глаза. И не гладить. Хотя бы неделю.

Юноша ушёл, прижимая к груди кота, который мурлыкал с подозрительной страстью.

А потом пришёл дракон. Не для набега. Не для переговоров. А с объяснительной.

Он аккуратно сложил крылья, чтобы не задеть люстру (которая, кстати, тоже была под подозрением: слишком ярко светила, возможно, с применением запрещённой магии), и протянул Арнольду лист пергамента.

«Опоздал с набегом на 47 минут по причине пробки на облачной трассе. Вину признаю. Прошу не выписывать штраф, так как это мой первый прогул за 200 лет».

Арнольд прочитал, поставил штамп «Принято», вернул пергамент и спокойно сказал:

— В следующий раз сообщайте заранее. У нас есть форма для переноса набегов.

Дракон моргнул, будто услышал что-то настолько абсурдное, что даже его древняя драконья мудрость не могла это осмыслить.

— Форма… для набегов? — прорычал он.

— Да, — кивнул Арнольд. — Форма 11Н: «Перенос разрушительных действий по согласованию сторон». Очень удобная. Можно даже выбрать альтернативное время и место. Например, «набег в формате пикника: без поджогов, с чаем и пирожками».

Дракон задумался. Потом медленно кивнул:

— Знаете… мне нравится идея с пирожками.

И ушёл, оставив после себя лёгкий запах серы и ощущение, что мир стал чуточку разумнее.

К концу дня Арнольд сидел за столом, окружённый стопками жалоб, бланков и странных предметов (включая заколдованный чайник, который отказывался наливать чай, пока ему не расскажут анекдот). Он посмотрел на часы, потом на лягушку-ручку, которая всё ещё сидела на двери, и тихо пробормотал:

— Магия должна служить людям. А не заставлять их заполнять бесконечные формы. Но, видимо, сначала нужно заполнить все формы, чтобы магия начала служить.

Кот, который весь день наблюдал за происходящим с подоконника, спрыгнул на стол, потёрся о папку с документами и мурлыкнул:

— Ты делаешь невозможное. Ты приручаешь хаос бюрократией.

— Не приручаю, — поправил Арнольд. — Я просто даю ему адрес и часы приёма.

Телефон на столе зазвонил. На экране высветилось: «Магический совет. Срочно».

Арнольд посмотрел на него, потом на стопку жалоб, потом на кота.

— Пусть подождут, — спокойно сказал он. — У нас обеденный перерыв. И, честно говоря, я заслужил чашку чая. Даже если этот чайник требует анекдот.

Глава 2. «Когда магия требует инструкцию, а бюрократия — чуда»

Второй день работы Бюро жалоб на магию начался с того, что лягушка-ручка внезапно решила, что она больше не лягушка. В 8:58 утра она громко квакнула, вспыхнула зелёным светом и превратилась обратно в обычную дверную ручку — но с характером. Теперь, когда кто-то тянул за неё, ручка слегка вздыхала, будто говорила: «Ну ладно, открою. Но не потому что ты просишь, а потому что регламент».

Арнольд Кряж, который к этому моменту уже привык к тому, что реальность в столице волшебного царства ведёт себя как капризный стажёр, только поправил очки и записал в блокнот: «Ручка: статус нормальная, но подозреваю постмагическую депрессию. Наблюдать».

Он вошёл в кабинет, где за ночь стопки бумаг выросли, как грибы после дождя — только эти грибы были из пергамента, скреплены сургучными печатями и пахли бюрократией. На столе лежал заколдованный чайник. Он не кипел. Он… медитировал.

— Ну давай, не тяни, — пробормотал Арнольд, глядя на чайник так, будто мог взглядом заставить его работать по инструкции. — Ты же знаешь правило: без анекдота — никакого кипятка.

Чайник тихонько звякнул, как будто закатывал глаза, и проскрипел (да, именно проскрипел — видимо, у него была голосовая связка из ржавчины):

— Ладно. Один анекдот. Но пусть он будет про эльфа. Эльфы меня смешат.

Арнольд вздохнул, потёр переносицу и выдал:

— Заходит эльф в лавку и говорит: «Дайте мне зелье невидимости». Продавец отвечает: «А зачем? Ты и так никого не замечаешь».

Чайник издал звук, подозрительно похожий на сдавленный смех, и наконец-то начал нагреваться. Пузырьки поднимались со дна, как маленькие протестующие: «Мы не хотим быть паром! Мы хотим остаться водой!» Но пар всё равно пошёл.

— Вот и славно, — буркнул Арнольд. — Хоть кто-то в этом городе следует алгоритму.

Ровно в 9:00 дверь распахнулась — без стука, зато с лёгким треском реальности, как будто пространство не выдержало напряжения от того, сколько форм предстояло заполнить. На пороге стояла троица в мантиях с вышитыми гербами Магического совета. Лица у них были такие, будто они пришли не поговорить, а отменить саму концепцию жалоб как недостойную магии.

— Старший инспектор Кряж? — произнёс самый высокий из них, глядя на Арнольда так, словно тот был опечаткой в Великом заклинании мироздания. — Мы бы хотели обсудить… целесообразность вашего учреждения.

— Конечно, — спокойно ответил Арнольд, подвинул им три стула и три формы 01В («Визит представителей вышестоящих органов: фиксация целей и ожиданий»). — Сначала заполните, пожалуйста. Для отчётности.

Представители Магического совета замерли. Один из них даже приоткрыл рот, но не для того, чтобы что-то сказать, а чтобы проверить, не превратился ли его язык в перо — настолько абсурдной казалась ситуация.

— Вы… просите нас… заполнить форму? — прошептал высокий.

— Именно, — кивнул Арнольд. — Чтобы мы могли понять, какие именно аспекты работы Бюро вы считаете нецелесообразными. И желательно с примерами. Желательно — с датами и номерами жалоб.

Высокий медленно взял ручку. Его пальцы дрожали, будто ручка могла в любой момент превратиться в змею и укусить за бюрократию.

Пока они заполняли формы, в приёмную просочился гном с бородой, которая теперь не просто шептала, а вела дневник. Борода аккуратно держала перо и выводила на пергаменте: «День 3. Хозяин всё ещё не понимает, что я — личность. Сегодня он пытался подстричь меня. Это было унизительно».

Гном виновато посмотрел на Арнольда:

— Она теперь пишет мемуары. И подаёт на меня в магический суд за нарушение границ личного пространства.

— Понятно, — кивал Арнольд, доставая форму 44Л («Жалоба на конфликт с собственной бородой: юридические и этические аспекты»). — Укажите, пожалуйста, дату, когда борода впервые заявила о своих правах, и были ли свидетели.

— Свидетелем был кот из соседней лавки, — тихо сказал гном. — Но он отказался давать показания. Сказал, что «у него лапки».

В этот момент высокий представитель Магического совета уронил ручку. Она покатилась по полу, подпрыгнула и превратилась в мышку. Мышка посмотрела на всех с осуждением, пискнула: «Бюрократия — это зло» — и убежала в щель под шкафом.

— Видите? — торжествующе произнёс высокий, будто это был главный аргумент против Бюро. — Магия не терпит форм! Она — порыв! Она — стихия!

— А стихия не платит налоги и не приходит на совещания вовремя, — спокойно парировал Арнольд. — Именно поэтому у нас есть формы. Чтобы стихия знала, где заканчивается её порыв и начинается чужой завтрак.

Высокий открыл рот, закрыл, потом снова открыл — и в этот момент дверь снова распахнулась. На этот раз без спецэффектов, зато с драконом. Тем самым, который вчера приносил объяснительную. Только теперь он был не один. С ним был маленький дракончик — видимо, сын. Дракончик смотрел на всё огромными глазами и периодически пытался поджечь край ковра, но папа-дракон каждый раз мягко дул на пламя и шептал: «Не сейчас, сынок. Тут серьёзное место».

— Мы по записи, — прорычал папа-дракон, протягивая талончик с номером 17. — На перенос набега. Хотим попробовать формат «пикник с пирожками».

Арнольд взял талончик, проверил штамп, кивнул и открыл журнал:

— Отлично. Давайте выберем дату. Желательно не в выходные — в выходные у нас пик жалоб от людей, которые случайно превратили свои завтраки в нечто живое.

Папа-дракон задумчиво почесал когтем подбородок:

— Как насчёт среды? У меня в среду окно между разрушением старой башни и вдохновением молодой ведьмы.

— Среда подходит, — записал Арнольд. — Место: городской парк. Условия: без поджогов, максимум один лёгкий дымок для атмосферы. Пирожки — за ваш счёт.

Дракончик радостно подпрыгнул, чуть не опалив люстру, но тут же получил от папы лёгкий тычок носом: «Спокойно. Тут взрослые решают, как правильно быть разрушительным».

Представители Магического совета смотрели на это, как на сцену из сна, который приснился после слишком острого супа. Высокий наконец-то нашёл слова:

— Это… это не магия. Это… логистика.

— Именно, — спокойно подтвердил Арнольд. — А хорошая логистика — это и есть высшая форма магии. Потому что она заставляет мир работать, даже когда искры летят не туда.

В этот момент чайник, который всё это время тихо кипел на краю стола, вдруг издал торжествующий свист и выбил пробку. Пар поднялся вверх, закружился в причудливый узор — и на секунду в этом узоре проступило лицо древнего духа порядка. Дух посмотрел на Арнольда,

слегка кивнул, будто признал в нём своего, и рассеялся, оставив после себя только запах свежезаваренного чая и ощущение, что кто-то наверху (или внутри чайника) наконец-то доволен.

— Видишь? — промурлыкал кот, который всё это время наблюдал за происходящим с верхней полки шкафа, где он устроился с видом верховного судьи. — Даже духи порядка любят, когда всё по форме.

Арнольд налил чай — всем, даже представителям Магического совета, даже дракону (в большую металлическую кружку: «Для огнеупорности»). И когда все, наконец, сели — кто на стул, кто на хвост, кто просто завис в воздухе от непонимания, — он спокойно сказал:

— Магия — это не только искры и пророчества. Это ещё и ответственность. И если мы не можем заставить заклинание работать как надо, мы хотя бы можем заставить систему работать так, чтобы люди не страдали от того, что оно работает не так.

Высокий представитель Магического совета сделал глоток чая, поморщился (видимо, ожидал эликсир силы, а получил обычный чёрный чай с чабрецом), потом медленно кивнул:

— Знаете… в этом есть своя… странная логика.

— Не странная, — поправил Арнольд. — Просто другая. Та, где чудо — это когда ничего не горит, никто не превращается в жабу без согласия, и все знают, куда жаловаться, если что-то пошло не так.

Дракончик тихо прошептал папе:

— Папа, а можно мы после пикника зайдём сюда ещё раз? Тут интересно. Тут всё понятно.

Папа-дракон посмотрел на Арнольда, потом на формы, потом на чайник, который теперь мирно стоял и даже не думал требовать анекдоты, и тихо прорычал:

— Думаю, мы будем постоянными клиентами. Особенно если тут начнут принимать жалобы на слишком громкое рычание.

К полудню представители Магического совета ушли — не с победой, не с поражением, а с пачкой форм, которые им пришлось заполнить, и с ощущением, что мир стал чуть менее волшебным, но гораздо более надёжным. А Арнольд сел за стол, подвинул к себе стопку жалоб и тихо пробормотал:

— Пусть искры летят. Пусть заклинания сбоят. Пусть бороды ведут дневники. Главное — чтобы у каждого была форма, куда это записать. И чашка чая, чтобы пережить последствия.

Кот спрыгнул на стол, положил лапу на самую толстую папку и мурлыкнул:

— Ты не борешься с магией. Ты делаешь её… удобной. А это, знаешь ли, самое редкое волшебство из всех.

Глава 3. «Когда даже духи порядка берут больничный, а магия требует техподдержки»

К середине третьей недели работы Бюро жалоб на магию стало ясно: волшебство в столице не столько злонамеренное, сколько… неорганизованное. Оно не хотело вредить — оно просто не читало инструкции. И хуже всего было то, что инструкций не существовало. До сих пор.

Арнольд Кряж, который к этому моменту уже воспринимал любой внезапный фейерверк как личное оскорбление, решил, что пора навести порядок не только в жалобах, но и в самой магии. Он достал чистый пергамент, остро заточенное перо и вывел крупными буквами: «Проект: Инструкция по безопасному применению типовых заклинаний для граждан».

— Ты что, хочешь написать руководство по магии? — протянул кот, глядя на пергамент так, будто это была бомба с часовым механизмом. — А если магия обидится?

— Магия не обижается, — спокойно ответил Арнольд, обмакивая перо в чернила. — Магия просто делает, что хочет. А нам нужно, чтобы она делала, что надо.

— То есть ты хочешь приручить хаос при помощи пунктов и подпунктов?

— Именно. И, если получится, ещё и нумерованных списков.

В этот момент дверь (та самая, с ручкой, которая теперь вздыхала при каждом открытии) распахнулась, и в приёмную ворвалась вихревая энергия в виде молодой ведьмы в плаще, который никак не мог определиться с цветом: он переливался всеми оттенками паники.

— У меня кот превратился в табуретку! — выпалила она, задыхаясь от ужаса и скорости. — Я просто хотела, чтобы он перестал грызть мои конспекты! Я не хотела, чтобы он стал мебелью!

Арнольд не вскочил. Не закричал. Даже не моргнул слишком часто. Он просто подвинул к себе форму 55К («Непредусмотренная трансфигурация домашних животных») и спокойно спросил:

— Когда это произошло?

— Полчаса назад! — всхлипнула ведьма. — Я сказала заклинание «Пусть он перестанет мешать», а он… сел. И остался.

— Понятно, — записал Арнольд. — Причина: неточность формулировки. Рекомендация: избегать абстрактных понятий вроде «мешать». Лучше: «пусть он отойдёт на два метра и посидит спокойно». Конкретика спасает от табуреток.

Ведьма уставилась на него, будто он только что открыл ей тайну мироздания.

— То есть… если я скажу точнее, он снова станет котом?

— Возможно, — осторожно кивнул Арнольд. — Но сначала заполните форму. Для статистики. Нам нужно знать, сколько котов ежегодно становятся мебелью.

Ведьма, всё ещё дрожа, взяла ручку, посмотрела на бланк, потом на табуретку-кота, которая выглядела на удивление уютно, и тихо пробормотала:

— А может, пусть пока побудет табуреткой? У меня всё равно не хватало места для гостей…

— Только если он согласен, — строго сказал Арнольд. — У нас теперь есть пункт: «Согласие объекта на трансфигурацию». Даже если объект — кот.

Тем временем в кабинете началось то, что можно было бы назвать «совещанием», если бы не тот факт, что половина участников не умели сидеть на стульях. Папа-дракон устроился у окна, аккуратно поджав крылья, чтобы не задеть люстру (которая, кстати, всё ещё подозревалась в излишней яркости). Дракончик сидел на полу и пытался превратить камешек из цве-

точного горшка в алмаз — пока безуспешно, но с энтузиазмом. Борода гнома лежала на специальной подставке и делала вид, что просто отдыхает, хотя на самом деле вела переговоры с узорами на скатерти.

Аристарх (да, тот самый, который теперь числился помощником инспектора и отвечал за «систематизацию магических инцидентов») вошёл с папкой толщиной с хороший том энциклопедии и торжественно объявил:

— У нас кризис.

— Опять? — спокойно уточнил Арнольд, не поднимая глаз от инструкции.

— Да. Духи порядка берут коллективный больничный.

— Что значит «берут больничный»? — нахмурился Арнольд.

— Значит, что они устали следить за тем, чтобы магия работала по правилам, которых никто не писал. И теперь они все ушли пить травяной чай и медитировать на облака. Без них магия стала… свободнее.

— То есть хуже?

— Гораздо хуже. Сегодня в пекарне вместо булочек испеклись маленькие грозовые тучи. Они шипят и требуют добавки сахара.

Арнольд медленно положил перо.

— Грозовые тучи… в пекарне…

— Ага. И они обиделись, когда пекарь сказал, что не будет их продавать как «свежие, с хрустящей корочкой».

Кот, который всё это время наблюдал за происходящим с видом эксперта по катастрофам, лениво потянулся и промурлыкал:

— Ну вот. Теперь даже хаос ушёл на перекур. А мы тут остаёмся с формами и здравым смыслом.

— Значит, будем держать оборону сами, — спокойно сказал Арнольд, встал и подошёл к доске, на которой висели жалобы, графики и одна очень подозрительная карта города с пометками «места повышенной магической турбулентности». — Первое: нужно срочно выпустить памятку для граждан: «Как не превратить завтрак в стихийное бедствие». Второе: договориться с пекарем, чтобы он не предлагал тучам быть товаром. Третье: найти духов порядка и убедить их, что мы почти написали инструкцию — и им скоро станет легче.

Папа-дракон медленно кивнул, будто принимал не план действий, а военную стратегию:

— Я могу помочь. Могу… ээ… патрулировать город. Чтобы, если вдруг появится что-то слишком волшебное, я мог мягко это… нейтрализовать.

— Нейтрализовать? — уточнил Арнольд.

— Ну… не дать ему поджечь библиотеку. Или превратить мэра в кактус. У меня есть опыт: я много лет разрушал башни, так что я знаю, как не разрушать остальное.

Дракончик тут же вскочил:

— И я! Я тоже хочу патрулировать! Я могу… предупреждать! Громко!

— Тихо, сынок, — прорычал папа-дракон. — Громко — это когда ты поджигаешь ковёр. А предупреждать нужно спокойно. Как будто ты просто сообщаешь факт: «Внимание: в этом районе магия ведёт себя странно».

— Ладно… — пробормотал дракончик, явно разочарованный тем, что героизм теперь измеряется в децибелах.

Борода гнома, которая до этого делала вид, что её тут нет, вдруг шевельнулась и тихо произнесла:

— Я тоже могу помочь. У меня отличная интуиция на магические сбои. Особенно после того, как я начала вести дневник. Там уже три страницы про «предчувствия».

Гном, который до этого старался не смотреть на свою бороду, тяжело вздохнул:

— Спасибо… — пробормотал он, будто извинялся за то, что вообще когда-то отрастил бороду.

Аристарх открыл папку, достал лист с заголовком «Статистика магических сбоев за неделю» и начал зачитывать:

— Понедельник: 12 случаев непреднамеренной трансфигурации. Вторник: 8 жалоб на заклинания, которые работают только при полной луне. Среда: один случай массового гипноза через рекламный плакат («Купи зелье — и ты будешь счастлив»). Четверг: пекарь случайно испек грозовые тучи. Пятница: духи порядка ушли на больничный.

— Пятница особенно впечатляет, — сухо заметил Арнольд.

— Это ещё не всё, — продолжил Аристарх. — Суббота и воскресенье — предварительные данные, но уже ясно: количество жалоб растёт экспоненциально. Если так пойдёт дальше, к концу месяца нам придётся открыть филиал Бюро… в другом измерении.

Кот фыркнул:

— Или просто увеличить шрифт в формах. Чтобы люди понимали: это серьёзно.

В этот момент в дверь постучали. Не кулаком. Не ногой. А… хвостом. На пороге стоял лис в жилете, с блокнотом и таким видом, будто он пришёл не жаловаться, а проводить аудит.

— Меня зовут Феликс, — вежливо сказал лис, слегка кланяясь. — Я представляю Гильдию независимых магов. Мы… ээ… наблюдаем за ситуацией.

— Наблюдаете? — уточнил Арнольд, глядя на лиса так, будто пытался понять, не является ли он сам чьей-то жалобой.

— Да. И должны признать: ваш подход… необычен. Но, возможно, эффективен. Мы хотели бы… сотрудничать.

— Сотрудничать? — переспросил Арнольд.

— Да. Например, мы могли бы помогать вам тестировать ваши инструкции. В обмен на… ну, скажем, на то, что вы не будете слишком строго наказывать наших стажёров за случайные превращения городских фонтанов в желе.

— Случайные? — поднял бровь Арнольд.

— Ну… иногда они просто хотят сделать красиво, а получается… желе.

Кот громко фыркнул, будто это было самым нелепым оправданием в истории магии.

— Хорошо, — после короткой паузы сказал Арнольд. — Мы можем попробовать сотрудничество. Но с одним условием: все эксперименты — только по форме 88Э («Экспериментальные заклинания: протокол безопасности»). И ни одного желе без письменного согласия мэра.

Лис моргнул, потом медленно кивнул:

— Договорились. Это… неожиданно разумно.

Пока они обсуждали условия сотрудничества, чайник, который до этого тихо стоял в углу и делал вид, что он просто чайник, вдруг снова подал голос:

— Знаете, что самое смешное? — проскрипел он. — Раньше все хотели великих чудес. А теперь все хотят… чтобы ничего не горело. Чтобы булочки оставались булочками. Чтобы коты не становились табуретками. Это и есть настоящее волшебство.

Арнольд посмотрел на чайник, потом на всех остальных — на дракона, на бородатого гнома, на лиса, на Аристарха, на котёнка-дракона, который пытался сделать из камешка алмаз, и на кота, который смотрел на него с видом «ну что, ты ведь знал, что так будет».

— Знаешь, чайник, — тихо сказал он. — Иногда самое большое чудо — это просто порядок. Когда каждый знает, что делать, если магия пойдёт не так. И когда есть место, куда можно прийти и сказать: «У меня кот стал табуреткой, и я не знаю, что делать».

— Вот именно, — проскрипел чайник. — И ещё чашка чая. Обязательно чашка чая.

К вечеру город немного успокоился. Грозовые тучи в пекарне согласились быть просто облаками и не требовать сахара. Духи порядка прислали записку: «Мы ещё на больничном, но рады, что вы справляетесь. Продолжайте в том же духе». А на доске жалоб появилась новая

надпись, которую Арнольд написал сам: «Если магия сбилась с пути — мы поможем ей вернуться. Даже если для этого нужно заполнить три формы и выпить чашку чая».

Папа-дракон, собираясь уходить, слегка наклонил голову и прорычал:

— Завтра мы с сыном будем патрулировать восточную часть города. Если увидите что-то… слишком волшебное — зовите.

— Обязательно, — кивнул Арнольд. — Только не по телефону. У нас телефон иногда превращается в соловья и поёт романсы вместо гудков. Лучше пришлите записку. С подписью. И номером формы.

Дракончик хихикнул, потом тут же сделал серьёзное лицо, потому что папа сказал, что герои не хихикают на дежурстве.

Когда все разошлись, Арнольд сел за стол, посмотрел на стопку бланков, на недописанную инструкцию, на чайник, который уже не требовал анекдотов, а просто тихо дышал паром, и тихо пробормотал:

— Пусть искры летят. Пусть заклинания сбоят. Пусть духи берут больничный. Главное — чтобы у каждого была форма, куда это записать. И человек, который скажет: «Я тебя услышал. И я помогу».

Кот спрыгнул на стол, положил лапу на инструкцию и промурлыкал:

— Знаешь, Арнольд… ты не борешься с магией. Ты делаешь её… удобной. А это, пожалуй, самое редкое и самое нужное волшебство из всех.

Глава 4. «Когда магия просит техподдержку, а бюрократия отвечает: Заполните форму 99»

Утро в Бюро жалоб на магию началось не с птичьего пения, не с лучей рассвета и даже не с традиционного фейерверка (который, по слухам, теперь проходил только по согласованию с отделом пожарной безопасности и при наличии трёх подписей). Оно началось с того, что телефон снова превратился в соловья.

На этот раз не просто в соловья, а в соловья-романтика: он сидел на подставке, распушал воображаемые перья и выводил дрожащим голосом:

— О, сердце, трепещи! О, чувства, рвитесь ввысь!

Арнольд Кряж посмотрел на телефон, потом на часы, потом на кота, который наблюдал за этим концертом с видом человека, который давно смирился с абсурдом мира.

— Это уже не техника, — пробормотал Арнольд. — Это драматургия.

— Он просто хочет быть артистом, — философски заметил кот. — Но у нас тут Бюро, а не театр.

— У нас тут место, где магия обязана работать по регламенту, — сухо ответил Арнольд и достал из ящика стола форму 101Т («Трансформация средств связи: фиксация и нейтрализация»). — Заполним, зафиксируем, вернём в исходное состояние. Без оваций.

Он аккуратно вписал: «Объект: стационарный телефон. Текущее состояние: соловей-лирик. Причина трансформации: предположительно, перегрузка магическим эфиром в районе 3:17 ночи. Последствия: невозможность принимать жалобы до устранения».

Соловей на секунду прервал арию, склонил голову и прочирикал:

— Ты так сухо всё описываешь… будто я не произведение искусства, а сломанный тостер.

— Ты и есть сломанный тостер, — спокойно ответил Арнольд. — Только поющий. А нам нужно принимать звонки от людей, у которых булочки превращаются в грозовые тучи.

Соловей тяжело вздохнул, будто его лишили права на величие, и медленно, со скрипом, начал превращаться обратно в телефон. Процесс шёл с драматическими паузами, как у актёра, который не хочет уходить со сцены. Наконец раздался щелчок, и на столе снова лежал обычный аппарат — немного помятый, слегка пахнущий жасмином, но телефон.

— Вот и славно, — буркнул Арнольд. — Теперь можно работать.

Не успел он поставить штамп «Принято к исправлению», как дверь распахнулась, и в приёмную ворвалась молодая волшебница в мантии, которая явно пыталась быть величественной, но постоянно цеплялась рукавами за дверные косяки — видимо, мантия тоже была с характером.

— У меня портал не работает! — выпалила она, задыхаясь от возмущения и скорости. — Я хотела попасть на рынок, а оказалась… в шкафу! В чужом шкафу! Там висели три плаща и один очень подозрительный костюм с блёстками!

Арнольд спокойно подвинул к ней форму 77П («Сбои в работе порталов: маршруты и неожиданные пункты назначения»).

— Укажите, пожалуйста, конечную точку маршрута, начальную точку и, если помните, какие слова вы произносили при активации. Особенно если это были не стандартные формулы, а что-то вроде «ну давай, работай».

Волшебница замерла, потом покраснела:

— Я… я сказала: «Ну давай, не подводи, я опаздываю!» — призналась она. — А потом добавила: «Если ты меня подведёшь, я тебя разберу на ингредиенты!»

— Ага, — записал Арнольд, не поднимая глаз. — Эмоциональный фактор. Частая причина сбоев. Магия очень чувствительна к угрозам разобрать её на ингредиенты. Она начинает защищаться и прятаться. В шкафах.

— То есть… это я сама виновата? — прошептала волшебница, будто мир только что рухнул.

— Не виноваты, — спокойно сказал Арнольд. — Просто магия — как кот. Если на него кричать, он не придёт. Если сказать спокойно: «Пожалуйста, будь порталом», он… ну, может, всё равно не придёт, но хотя бы не спрячется в шкафу.

Волшебница посмотрела на него так, будто он только что открыл ей тайну мироздания. Потом тихо пробормотала:

— Надо было просто вежливо попросить…

— Именно, — кивнул Арнольд. — И заполнить форму. Для статистики. Нам нужно знать, сколько порталов ежегодно прячутся в шкафах из-за стресса.

Она кивнула, взяла ручку и начала заполнять бланк, время от времени вздыхая и поглядывая на дверь, будто боялась, что мантия снова за что-нибудь зацепится.

Тем временем в кабинете разворачивалась другая драма. Папа-дракон и дракончик сидели перед картой города, на которой были отмечены «зоны повышенной магической турбулентности» — в основном это были места, где часто проходили ярмарки, эксперименты стажёров и собрания поэтов (поэты, как выяснилось, случайно создавали рифмами локальные искажения пространства).

Папа-дракон водил когтем по карте и ворчал:

— Смотри, сынок. Вот здесь — опасная зона. Тут в прошлом месяце поэт прочитал стихотворение про море, и мостовая стала слегка солёной. Неделю потом все спотыкались — соль хрустела.

Дракончик кивал, стараясь выглядеть серьёзным, но его глаза горели от восторга:

— А можно я буду отвечать за зону у пекарни? Там теперь живут грозовые тучи! Они милые!

— Милые, но капризные, — прорычал папа. — Они обиделись, когда пекарь сказал, что не будет продавать их как «облака с характером».

— Но они же не товар! — возмутился дракончик. — Они… чувства имеют!

— Именно поэтому ты будешь за них отвечать, — спокойно сказал папа-дракон. — Потому что ты умеешь слушать даже тех, кто шипит и требует сахара.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.